

УДК 39.393

DOI: 10.17223/2312461X/26/4

СМЕРТЬ КЛАДБИЩА: НОВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Игорь Алексеевич Морозов,
Андрианна Анатольевна Шрайнер

Аннотация. Статья посвящена анализу современных тенденций в похоронной обрядности на европейском пространстве. Несмотря на устойчивость и консерватизм погребальных традиций, они испытывают мощное давление со стороны глобализационных трендов, опирающихся на новую идеологию погребального обряда. Ядром инновационных ритуальных практик, которые основываются на современных бизнес-стратегиях, является обеспечение экономической эффективности процесса погребения за счет применения прогрессивных технологий (кремация, биоразлагаемые капсулы, ресомация). Необходимость массового внедрения подобных инноваций обосновывается дефицитом и дороговизной кладбищенских территорий, особенно в мегаполисах, и экологическими соображениями, поскольку при современных технологиях захоронения в почву попадает значительное количество токсичных и трудно разлагаемых веществ. В статье проанализированы различные варианты современных «экологических захоронений», которые символизируют «смерть кладбища» и которые в последние десятилетия получили широкое распространение в ряде стран Западной Европы (Германия, Австрия, Швейцария) под названием «лесные кладбища». Представлены результаты полевых исследования на лесных кладбищах (*Waldfriedhof*, *Nordfriedhof*) в Мюнхене и Поппенхайме (Бавария), а также на ряде других европейских кладбищ. Рассмотрены перспективы дальнейшего распространения инновационных типов захоронений на европейском пространстве, в том числе в постсоветских странах Восточной Европы на примере Эстонии и России.

Ключевые слова: новые погребальные традиции в Европе; лесные кладбища; этнические захоронения; современные коммеморативные практики; межкультурные взаимодействия; глобальные тренды

В последние десятилетия в контексте глобальных инноваций практически повсеместно происходят существенные трансформации в социокультурной сфере. Они касаются не только повседневных бытовых практик, но и основных ритуалов, сопровождающих и оформляющих жизненный цикл (рождение, наступление совершеннолетия, вступление

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 18-18-00082 «Умершие в мире живых: кросс-культурное исследование коммуникативных аспектов танатологических практик и верований».

в брак, смерть и похороны). Из этого ряда наиболее консервативным всегда представлялся комплекс похоронно-поминальной обрядности, который на протяжении длительного исторического периода неоднократно успешно противостоял напору культурных трансформаций даже в периоды коренных преобразований в социальной жизни. Однако за последнее столетие, как показывают многочисленные исследования (см., например: Barley 1997; Feldmann 2004; Harris 2007; Boret 2014; Kelly 2015; Fournier 2018 и др.), эта область ритуалистики также подвергается серьезным изменениям даже в культурных ареалах, которые считаются оплотом консерватизма. Понятно, что для этого существуют вполне объективные предпосылки, в том числе обозначившиеся на мировом уровне тренды, связанные с охраной окружающей среды и рациональным использованием природных ресурсов.

Именно в этом контексте наше внимание привлекли распространившиеся в последние десятилетия лесные (зеленые или экологические) кладбища и водные захоронения в европейских странах. Только в одной Германии, по разным источникам, в настоящее время насчитывается от 45 до 150 мест, где совершаются нетрадиционные погребения различного типа (FriedWald. Standorte 2019; Bestattungsorte... 2019). Конечно, в масштабах всей страны это ничтожно мало, но необходимо учитывать тенденцию к их экспоненциальному росту, причем не только в Германии (ср. Sheepdrove... 2019), но и соседних странах (Австрия, Швейцария, Голландия, Бельгия, Великобритания).

При этом на данный момент наблюдается существенная разница в территориальном распределении мест захоронения подобного рода. В Германии наибольшее их количество находится в северных и северо-восточных землях, в то время как на территориях с преобладанием католического населения, например в Баварии, их число минимально. То же можно сказать о подавляющем большинстве стран Южной Европы. Хотя в последние годы небольшие участки с «зелеными» захоронениями появляются и на традиционных кладбищах даже в консервативно настроенных регионах. Изменения наблюдаются и в культуре захоронений в целом: соотношение трупоположений и захоронений праха в урнах, типы и формы надмогильных памятников, практики коммеморации, представления о способах коммуникации с умершими. Развезть прах над морем допустимо только по законодательству Швейцарии, Австрии и Франции. В Германии урна с прахом, сделанная из специального материала, быстро растворяющегося в соленой воде, просто сбрасывается в море.

Основной задачей в рамках данной статьи будет обзор как практик, так и идеологии биопогребений на фоне других трансформационных процессов в погребальной обрядности и в традициях коммеморации на примере Германии и некоторых других европейских стран (ср. Centre for

Death & Society 2019). Будут затронуты также социально-психологические, экономические и юридические аспекты, связанные с продвижением новых погребальных традиций как в официальном, так и в неофициальном дискурсах (СМИ, социальная реклама, социальные сети и др.).

В статье использованы как материалы собственных полевых исследований авторов (фото и видеофиксации, интервью), так и широкий круг источников и публикаций по данной проблематике.

Немного истории

Прежде чем перейти к изложению основных положений статьи, необходимо сделать небольшой экскурс в историю, который даст возможность провести сопоставительный анализ происходящих на наших глазах изменений в погребальной культуре. Большинство исследователей сходятся в том, что современная европейская концепция кладбища сложилась в последние 250 лет (Fischer 2003: 23). Если первоначально погребения концентрировались в центрах поселений, обычно вокруг храмов, то в середине XVIII в. они постепенно начали вытесняться на периферию городских территорий. Кладбища постепенно вытеснялись из сакрального, а затем и из публичного (общественного) пространства, превращаясь в инфернальное место «обитания мертвецов». Одним из основных факторов, помимо возникшего дефицита городского пространства, стали санитарно-гигиенические требования, сформулированные в результате борьбы с регулярными эпидемиями холеры и чумы. Как отмечает М. Фуко, «именно в эту эпоху возникает кладбище, где каждого умершего клали в индивидуальный гроб, делали надгробие, предназначенное для членов семьи, куда вписывали имена каждого из них» (Фуко 2006: 94).

За последние столетия отношение к индивидуальным захоронениям неоднократно существенно обновлялось вслед за изменениями как в практиках похорон, так и в окормляющей их идеологии. Смерть и умершие, а также непосредственно связанные с ними реалии и понятия (кладбище, гроб, могила, склеп и под.) могли приобретать разные коннотации в зависимости от системы социальных отношений, в которую они оказывались вписанными. В одних случаях смерть могла оказаться героической, а умершие почитаемыми героями и даже святыми, в других они оценивались как бедствие и угроза (если, например, речь шла о жертвах эпидемии либо о смерти / могиле ведьмы или колдуна / вампира). Внезапная смерть могла истолковываться как наказание за прегрешение и сулить бедствия окружающим (например, засуха или наводнение) либо быть свидетельством избранности, как иногда оценивалась смерть от молнии. Порядок почитания умерших и их регулярного поминовения во многом определялись как регламентациями в рамках

господствующих идеологий (в Европе до последнего времени жестко определявшихся господствующими в том или ином регионе религиозными течениями христианства, иудаизма и ислама), так и семейно-родственными традициями в рамках обычного права.

Инновационные процессы в погребальной культуре Германии

В современной Германии существует достаточно строгая регламентация похоронного обряда, закреплённая на законодательном уровне. Согласно закону, умерший должен быть захоронен в земле, на одном из 36 тысяч кладбищ, или кремирован на восьмой день после смерти. Исключения составляют только те случаи, когда речь идет о преступлении или подозрении, что совершено преступление, и с телом приходится работать криминалистам. Сроки захоронения урн с прахом ограничены тремя месяцами со дня кремации. Хранить дома урны с прахом в Германии запрещено, они обязательно должны быть захоронены на городских кладбищах с надгробной плитой или памятником. По немецкому законодательству, урны с прахом умершего и тела умерших не выдаются родственникам умершего, их отправляют из медицинских учреждений по адресам кладбищ, на которых умерший будет захоронен. Развеивать прах умерших в нерегламентированных законом местах в Германии также запрещено. В этом смысле способы постмортального сопровождения здесь существенно отличаются от тех, которые приняты, например, в США (Harris 2007; Kelly 2015; Fournier 2018).

В начале 1990-х гг. произошла постиндустриальная революция культуры погребения и памяти – переход от стандартных традиционных похорон к индивидуальным, сознательно определяемым семьей усопшего похоронным обрядам и постепенная передача всех операций соответствующим ритуальным учреждениям. Можно сказать, что начинает доминировать постмодернистская культура погребения со стремлением к индивидуализации, миниатюризации, анонимизации захоронений. Ухаживать за могилами в другом городе или даже другой части страны довольно затруднительно и очень дорого, поэтому больше половины немцев в последние годы выбирают кремацию. Это намного дешевле, поскольку урна занимает меньше места на кладбище и может быть установлена в колумбарии. Если раньше могила считалась здесь показателем социального статуса человека, то сегодня немцы стараются все меньше тратить на погребение. Больше всего приходится платить за традиционное захоронение в землю и последующий уход за такой могилой, поэтому популярность таких захоронений год за годом падает. «Для меня самое дорогое место на земле – это трава на могиле моих родителей», – пелось в немецкой песне девятнадцатого века. Но сейчас общество стало более мобильным, а люди ме-

нее связаны друг с другом. Они часто живут вдалеке от своих родственников, поэтому семейные захоронения встречаются сегодня все реже.

Представим теперь результаты наших полевых исследований на городских кладбищах Мюнхена, а также на ряде других кладбищ Баварии, где нами просмотрено несколько тысяч захоронений (около 3 000 фотофиксаций) и взято несколько десятков экспресс-интервью у работников кладбищ и их посетителей.

Традиционные типы захоронений. Около 100 лет назад в Германии появляются архитектурные проекты лесных кладбищ, среди которых одним из первых было Вальдфридхоф (нем. *Waldfriedhof* ‘лесное кладбище’) в Мюнхене. В 1905 г. в хвойном лесу Хохвальдфорст возле замка Фюрстенрид (Hochwaldforst von Schloss Fürstenried) было создано кладбищенское пространство, напоминавшее парк. Концепция кладбища свободных геометрических форм была разработана городским архитектором Гансом Граселем. В 1907 г. старая часть Вальдфридхоф, насчитывавшая к этому времени около 35 тысяч могил, была закрыта для новых захоронений и с тех пор активно используется горожанами для прогулок и занятий спортом. На этом историческом кладбище Мюнхена (одном из 29 ныне существующих в границах города) представлены разные типы могильных памятников, отражающих существующие различия в погребальных традициях. Безусловно местным, связанным с католическим населением города типом памятников, являются баварские деревянные кресты с крышками, предохраняющими их от дождя и снега. Их аналоги можно увидеть на старообрядческих кладбищах Восточной Европы. Такого рода надмогильные сооружения сосредоточены на нескольких специально выделенных участках, их удельный вес в общем числе памятников можно оценить примерно в 15%.

Второй тип традиционных исторических захоронений представлен в индивидуальных и семейных склепах, как правило, украшенных скульптурой и (или) орнаментальными портиками. Количество таких захоронений в настоящее время незначительно и большинство из них поддерживается лишь как исторические памятники. Некоторые из них, особенно расположенные по периметру кладбища, переоборудованы в колумбарии. Частично сохраняются и каменные надгробия со скульптурными композициями, особенно если они связаны с захоронениями личностей, значимых для Мюнхена, Баварии или Германии в целом. Остальные подобные надмогильные памятники могут демонтироваться на общих основаниях, если за ними нет надлежащего ухода или их содержание не оплачивается родственниками. Количество таких надгробий также невелико (не более 5%), хотя среди них встречаются и установленные сравнительно недавно.

Основной массив захоронений за последние примерно 50 лет представлен несколькими типами надгробий. Большинство из них – выпол-

ненные из разных видов камня (мрамор, гранит, известняк) и имеющие разную форму от геометрически правильной (прямоугольник, квадрат) до фантазийных. Часть из них имеет признаки конфессиональной принадлежности – от крестов до иных религиозных символов, например традиционной эпитафии R.I.P. (*requiescat in pace* ‘покойся с миром’) на надгробиях, полумесяца или звезды Давида. Встречается и масонская символика (например, на надгробии Венцель Мекль / Wenzel Möckl, 1905–1977, изображен циркуль и наугольник, наиболее узнаваемый масонский знак). Единичны случаи использования при оформлении могил буддийской атрибутики (например, фигура Будды на могиле Мияну Хлади / Mijanu Hladi, 1959–2017).

Наше внимание привлекли типы надгробных захоронений, явно выделяющиеся из общей массы и свидетельствующие о появлении новых тенденций в оформлении захоронений, которые, впрочем, пока в большинстве случаев не являются массовыми и доминирующими. Так, на участке с традиционными католическими захоронениями на Нордфридхоф выделяется семейное захоронение Луции КонстантINESКУ (Lucia Constantinescu, 1905–1997) и Марселя С. Шмидта (Marcel S. Schmidt, 1925–2007), выполненное из стекла и металла с сохранением христианской символики в виде стилизованного креста, погруженного в «янтарную» массу с вкрапленными в нее листьями растений и останками насекомых. Данное захоронение, соседствующее с традиционными крестами с распятиями, при всей своей многозначности, может ассоциироваться с вполне каноническими смыслами о бренности бытия и грядущем воскрешении под знаком Животворящего Креста.

Конечно, для ортодоксального восприятия форма имеет важное значение, однако данная трактовка католического надгробия (назовем ее условно «художественной») пытается совместить традиционные смыслы с творчески осмысленными образами «вечной жизни» и памяти, запечатленной в застывших кусках янтаря. Вряд ли подобная форма может быть растиражирована, однако она демонстрирует важную тенденцию индивидуализации в оформлении могил, которая ранее была характерна лишь для представителей определенных социальных слоев.

Инновационные явления могут проявляться и не в такой явной форме. Например, расположенная неподалеку семейная могила Бутхаусов (Joh. Buthaus, 1909–1969, Marg. Buthaus, 1913–2000) оформлена в традиционном стиле: крест с крышкой и распятие; приспособление, заменяющее чашу со святой водой в храме, в которую принято окунать пальцы перед совершением крестного знамения и молитвы; место для установки и возжигания свеч («фонарик»). Все это присутствует и на соседних могилах. Необычным является наличие на могиле католического типа декоративных фигурок, встречающихся и на других участках кладбища. Это две массивные улитки, расположенные по бокам

могилы возле креста и гипсовая фигурка совы. На раковине одной из улиток нанесена надпись: «Вера Утешение Безопасность (Glaube Trost Geborgenheit)».

Как известно, улитка играет важную роль в восточных символических системах (например, в даосской мантической практике фэн-шуй улитка символизирует умиротворение и спокойствие). В христианстве улитка может восприниматься как символ воскресения Христа (Бидерманн 1996: 277; Махов 2014: 376), а раковина ассоциируется с могилой, «где человек покойся после его смерти, пока не получает возможность воскреснуть» (Бидерманн 1996: 169). Сова может выступать атрибутом Спасителя и присутствовать в сценах распятия (Королев 2003: 402; Полная энциклопедия символов 2003: 174; ср. также Белова 2001: 79).

Таким образом, наличие этих элементов не нарушает конфессиональной целостности надмогильной композиции, хотя и предполагает стремление ее создателей придать оформлению концептуальный характер. При этом их явно не смущает одновременное присутствие атрибутов современной масскультуры вроде крупной надписи LOVE, выложенной пластмассовыми буквами, и «садовой пластики» в виде фигурок бабочек, лягушек, грибов и даже небольших граблей, небрежно прислоненных к фигурке совы. Хотя остальные фигурки также можно воспринимать как символические (ср. лягушка как символ воскресения в раннем христианстве: Махов 2014: 368), они, скорее, являются следствием внедрения китайского ширпотреба в ритуальный бизнес, о чем свидетельствует их применение и на других могилах, в том числе и лишенных каких-либо конфессиональных признаков. Подобные новации подобны явлениям моды, которые при определенных маркетинговых усилиях могут быстро распространяться, приобретать массовый характер и столь же быстро угасать.

В этом смысле к ним близки sporadически встречающиеся на обследованных кладбищах Мюнхена надгробия, снабженные фотографиями умерших. Если верить результатам наших опросов, это вовсе не новая традиция для Германии. Однако в настоящее время в подавляющем числе случаев изображения на памятниках отсутствуют и вопрос о их необходимости порой вызывает недоумение у местных жителей (это кардинально отличает мюнхенские кладбища от российских). Тем не менее на надгробиях с датами смерти после 2000 г. фотографии иногда присутствуют, как, например, в семейных захоронениях Гедель – Пфлегер (рис. 1) и Винкель – Крафт, явно установленных после 2007 г. Судя по нашим наблюдениям, фото чаще встречаются на надгробиях с иностранными фамилиями (например, Иштван Салонтай / Istvan Szalontay, Вальтер Липник / Walter Lipnik, Ральф Смолик / Ralph Smolik, Николаос Факитсас / Nikolaos Fakitsas, Иоаннес Метропоулос / Ιωάννης Μητροπούλος, Екатерина Анджели / Ekaterini Andgeli).

Рис. 1. *а* – семейное захоронение Гедель – Пфлегер с фотографиями на надгробной плите. Кладбище Нордфридхоф, Мюнхен, Германия. 2019 г. Фото авторов;
б – традиционное надгробие с фотографиями на надгробной плите на кладбище Кала Сантини. Майорка, Испания. Фото А.А. Шрайнер, 2018 г.

Это заставляет предположить возможное влияние глобальных трендов, наиболее ярко в настоящее время представленных на постсоветском пространстве, но постепенно внедряющихся и в наиболее консервативных католических регионах Европы, о чем свидетельствуют наши полевые наблюдения в Испании (ПМА 2018; кладбища Кала Сантини, Андрач и Петра, Майорка). Об этом же свидетельствует и оформление новых захоронений на Новом еврейском кладбище в Мюнхене (Neuer Israelitischer Friedhof), в основном выходцев из бывших советских республик (Белоруссия, Россия, Украина и др.), где практически каждый второй памятник снабжен фотографиями усопших (ПМА 2018; Новое еврейское кладбище, Мюнхен). Фотографии присутствуют также на относительно свежих захоронениях (от года до пяти лет) мюнхенских кладбищ с деревянными крестами, однако это, как правило, экземпляры стандартных приглашений на погребальную церемонию, которые остаются на могилах до установки постоянных надгробий. Возможно, сохраняясь на могилах по несколько лет, они способствуют продвижению идеи о необходимости этого элемента в оформлении захоронений.

Еще одной часто встречающейся не только на мюнхенских кладбищах новацией являются семейные захоронения, в которых на одной могильной плите обозначено несколько имен, т.е. они по сути являются

коллективными. Хотя фамилии погребенных часто различны, все они, как правило, являются родственниками, о чем обычно свидетельствует крупная надпись в верхней части надгробия («Семья / Familie NN»). Это распространяется и на некоторые старые захоронения. В качестве примера можно привести семейную могилу Гартнеров с металлическим барочным крестом и надписями в готическом германском стиле, первое захоронение в которой относится к 1943 г. (ПИМА 2018; Нордфридхоф, Мюнхен). Тенденция экономии кладбищенского пространства проявляется и в миниатюризации надгробий, которые порой ненамного превышают размеры погребальных урн. В ряде случаев захоронения подобного типа образуют отдельные участки, иногда собранные в единую композицию в виде круга или полукруга.

Детские захоронения. Особую группу составляют детские захоронения. Исторически в культурных традициях засвидетельствованы различные регламентации при захоронении несовершеннолетних членов сообщества, не прошедших инициацию или не вступивших в брак. В христианстве вплоть до последнего времени существовали ограничения на порядок похорон и поминаения умерших некрещеными младенцев, поскольку еще в V в. н. э. Св. Августин установил, что некрещенные младенцы отправляются в «лимбо» (*limbus puerorum* ‘местонахождение детей’) – специально предназначенное для них место в аду. Их могилы не могли оформляться крестами и располагаться на территории обычных кладбищ. В Баварии, как в других католических регионах Европы, не существовало также специального похоронного обряда для крещеных детей, но в их случае совершалась месса ангелов (*Engelmesse, Engelamt*), которая обычно исполнялась также на Благовещение и Рождество (*Engelamt...* 2019). Лишь около десяти лет назад Римско-католическая церковь официально отменила концепцию «лимбо». Консультационный центр, известный как Международная теологическая комиссия, 20 апреля 2007 г. опубликовал документ, заказанный папой Иоанном Павлом II, под названием «Надежда на спасение для младенцев, которые умирают без крещения» (*Die Hoffnung...* 2007). Аналогичные изменения произошли и в православной церкви, в июле 2018 г. Священный Синод Русской православной церкви утвердил своим решением чин отпевания некрещеных младенцев, обязательный для всех ее приходов.

В этой связи необходимо обратить внимание на одну из новых европейских тенденций в похоронной обрядности, вызванную изменениями в законодательной системе таких европейских стран, как Германия и Австрия. Она касается так называемых Звездных детей (*Sternenkind*) или Детей-Бабочек (*Schmetterlingskind*), Детей-Ангелов (*Engelskind*) – детей, умерших до, во время и вскоре после рождения. Первоначально этот термин использовался в более узком смысле для обозначения де-

тей, которые из-за требования Закона о гражданском статусе не были внесены в реестр о рождении / смерти по причине маленького срока беременности, размера и массы тела. С течением времени данный термин стал трактоваться более широко. Поэтическое название Звездные дети (*Sternenkind*), отсылающее к европейскому фольклору, основано на идее именования детей, которые «достигли небес (в поэтической версии – звезд) еще до того, как они появились на свет» (Neumann 2012). Термин «звездный ребенок», в отличие от таких терминов, как «выкидыш» и «мертворожденный», призван персонифицировать умершего младенца. Он принимает во внимание ту эмоциональную связь, которую родители устанавливают с еще не рожденным ребенком, и сильное и продолжительное чувство утраты, вызванное его смертью. О том, насколько важны эти законодательные инициативы с точки зрения современной европейской этики, можно судить по тому факту, что до их принятия выкидыш утилизировался вместе с больничным мусором. Одна берлинская компания перерабатывала все отходы, включая плоды, в гранулят, используемый при строительстве дорог. Некоторые экземпляры выкидышей передавались фармацевтическим компаниям для исследовательских целей. При этом мнение родителей не принималось в расчет, и по закону им не предусматривалось никаких компенсаций или права самостоятельно решить судьбу мертворожденного младенца, в том числе о его захоронении.

В Германии имя *Sternenkind* стало широко известным за пределами интернет-страниц и форумов для родителей и групп скорбящих в конце 2009 г. Родители Барбара и Марио Мартин, потерявшие троих детей в 2007 и 2008 гг., обратились в Бундестаг с ходатайством внести изменения в законодательство о гражданском статусе с целью признать всех рожденных детей как личность, позволив внесение соответствующей записи в Гражданский реестр, что давало возможность официального захоронения («*Sternenkinder*» sollen... 2012), поскольку на тот период времени юридически устанавливалось различие между мертворождением и выкидышем, причем последний случай не подпадал под действие закона о гражданском статусе. Петиция, которую поддержало более 40 тысяч граждан, получила широкое освещение в СМИ.

В мае 2012 г. федеральный министр по делам семьи Кристина Шредер и федеральный министр внутренних дел Ханс-Петер Фридрих предложили Кабинету министров предоставить всем рожденным мертвыми детям право на существование (Neumann 2012). В начале февраля 2013 г. Бундестаг Германии единогласно принял решение об изменении закона о гражданском статусе. Федеральный совет утвердил это положение в начале марта 2013 г. с таким расчетом, чтобы родители детей, рожденных мертвыми, даже задним числом, независимо от массы тела при рождении и продолжительности беременности, могли зарегистри-

ровать их в реестре актов гражданского состояния (Gesetzliche Neuregelung... 2013; Verordnung zur Ausführung... 2019).

Все эти законодательные изменения дали возможность легальных захоронений мертворожденных или умерших вскоре после рождения младенцев, что привело к возникновению специальных кладбищенских территорий, отведенных под эти цели. На Вальдфридхоф в Мюнхене – это большой участок на краю кладбища, активно использующийся в настоящее время (рис. 2). При обследовании кладбища в мае 2019 г. мы наблюдали захоронение урны с прахом младенца выходцами с Балкан (ПМА 2019; материалы экспресс-интервью, Вальдфридхоф, Мюнхен, Германия). Одновременно на другой части детского кладбища на мини-могиле, размещенной на участке в форме огромной бабочки, убиралась женщина. Захоронения на первом участке напоминают обычные, отличаясь от них огромным количеством различных предметов, используемых для оформления. Это и детские игрушки (куклы, мишки Тедди, машинки и др.), и бумажные «ветряки» и ленточки, и различные надписи и рисунки на камешках и пластмассовых сердечках. В целом могилы выглядят гораздо более красочными и яркими, чем взрослые, а их оформление очень эмоционально насыщенным.

Рис. 2. Участок детского кладбища на Вальдфридхоф с примером оформления могилы ребенка. Мюнхен, Германия. Фото авторов, 2019 г.

На втором участке, в форме бабочки, большинство захоронений расположено по периметру и имеют форму миниатюрных плиток с надписями (имя, год рождения / смерти, краткие надписи с признаниями в любви или эпитафиями, рисунки-символы). Поскольку данный тип захоронений еще относительно нов, трудно сказать, станет ли он распространенным. Поскольку в настоящее время потребность в легализации захоронений мертворожденных младенцев ощущается не только в Германии и других европейских странах, в том числе и в России, это дает основания предполагать, что данная практика получит более широкое распространение.

На Вальдфридхоф нам встретился еще один вид захоронений, связанный с детьми. Это могила Ника (Nick, Nikolaus N) (рис. 3). Она привлекла внимание в первую очередь особенностями оформления. Расположенная в глубине леса могила была украшена множеством разноцветных ленточек, развешенных на подвешенных к окружающим ее деревьям бамбуковых слегах. В центре композиции располагалось два заламинированных постера с фотографиями и текстами. На одной из фотографий был изображен сам 10–11-летний Ник в окружении коз, по видимому, на одной из небольших ферм с контактным зоопарком из домашних животных, частым посетителем и, вероятно, волонтером которой был мальчик. Об этом свидетельствовала надпись на постере: «Дорогой Ник, мы шлем тебе добрую энергию из Бексхефде туда, где ты сейчас находишься! Мы благодарны тебе!» Надпись на втором постере с фотографией черного круторогого барана гласила: «Дорогой Ник, Бруно, старый козел (der alte Bock), охраняет свой хлев со своими дамами и уже большими ягнятами. Они радовались каждому твоему визиту, и все большие и маленькие обитатели полей шлют тебе любовь, солнце и тепло из Бексхефде! Твои Симона, Ральф, Мориц, Йонас» (ПМА 2018; Вальдфридхоф, Мюнхен, Бавария). Отметим, что Бексхефде – это небольшая группа поселений в живописной местности Нижней Саксонии, в настоящее время административно подчиненная муниципалитету старого ганзейского города Букстехуде, находящемуся на популярном туристическом маршруте, так называемой Немецкой сказочной дороге (Deutsche Märchenstraße). К сожалению, выяснить, как связан Ник с этой весьма удаленной от Мюнхена территорией Германии нам не удалось (возможно, там проживают его родственники), равно как и остались неизвестны обстоятельства его смерти, однако множество ленточек с надписями над могилой («Спасибо тебе за искренний смех! / Danke für Dein herzliches lachen!», «Святой Петр, Ник! Удачной рыбной ловли! / Petri Heil, Nick! Petri Heil!», где *Petri Heil!* – обычное пожелание рыбаку) позволяют предположить, что в похоронах участвовали не только родственники, но и его соученики, друзья, учителя, хорошо осведомленные о круге интересов и увлечений Ника. Об

этом косвенно свидетельствуют и надписи на разных языках: *Ti porterò sempre nel cuore, Antoneiro* (Я всегда буду нести тебя в моем сердце, Антонейро), *You'd be a wing, in heaven blue* (Ты должен быть крылом, в голубых небесах) и т.п. (ПМА 2018; Вальдфридхоф, Мюнхен, Бавария).

Рис. 3. Могила Ника. Кладбище Вальдфридхоф, Мюнхен, Германия.
Фото А.А. Шрайнер, 2018 г.

Разбор корпуса текстов пожеланий (их не менее сотни), а также обстоятельств жизни и гибели Ника мог бы стать предметом отдельного исследования. Нас же в данном случае интересует необычное оформление его могилы. Использование цветных ленточек в современных версиях обрядов жизненного цикла и магии (например, обычай завязывания ленточек «на счастье» на деревьях молодоженов или у святых источников) получило широкое распространение и теперь применяется и в различных праздничных акциях. На обследованных нами кладбищах встречались единичные случаи повязывания ленточек, например на пасхальных деревьях рядом с повешенными на них муляжами пасхальных яиц. Однако случай массового повязывания ленточек встретился еще только раз на Нордфридхоф, на могиле молодого учителя / воспитателя Бернхарда Шуга по прозвищу «Берни» (Bernhard “Berni” Schug). В данном случае захоронение совершено в семейной могиле Коллер, которая находится в центральной части кладбища, где нет возможности развесить ленточки с надписями на близлежащих деревьях, поэтому

они тщательно упакованы вокруг креста в своеобразный венок. По надписям и прилагаемым фотографиям можно понять, что акция с лентами выполнена учениками Берни и его коллегами. Как и в первом случае надписи эмоционально и лично окрашены, заключают в себе отсылы к известным только узкому кругу фактам жизни умершего (ПИМА 2019; Нордфридхоф, Мюнхен, Бавария). Можно сказать, что данные практики обозначают некий новый тренд в погребальной культуре, хотя останется ли он лишь на уровне модной тенденции или закрепится как устойчивая повторяющаяся традиция, сказать пока трудно. Активное использование ленточек, в том числе и с надписями в других областях обрядовой и необрядовой жизни, позволяет предположить, что у них есть перспективы и в коммеморативной сфере.

Экологические захоронения. Однако по-настоящему фундаментальные новации в похоронно-погребальной обрядности происходят несколько в иной плоскости. Это так называемые экологические захоронения, связанные с идеей минимизации ущерба для окружающей среды. Они связаны с деятельностью экологических движений, которые приобрели огромную популярность в Европе и представлены на политическом уровне, в виде политических партий в Европарламенте и в Бундестаге (*Партия зеленых*). Эти партии активно поддерживают данное направление модернизации погребальных практик и именно благодаря им утверждены законодательные акты, которые регламентируют деятельность данных захоронений на территории Германии и Евросоюза в целом. В настоящее время в Германии активно внедряется новый тип кладбищ под торговой маркой FriedWald. На них осуществляются анонимные погребения на специальных лужайках или в отведенных для этого лесных массивах — так называемых лесах успокоения (*Ruheforst* или *Friedwald*). Тема экологии активно используется в раскручивании коммерческих брендов и фирм, которые предоставляют соответствующие услуги и активно используют эту проблематику в рекламе, позиционируя данный вариант захоронения как возможность слияния человека с природой. Первое обследованное нами кладбище фирмы FriedWald находится в природном парке Альтмюльталь в Поппенхайме, на севере Баварии. Концепция Фридвальда подробно описывается на сайте фирмы:

«Место захоронения Фридвальд является альтернативой классическому кладбищу. Посреди леса прах погибшего покоится в биоразлагаемых урнах под деревьями. Место захоронения помечает небольшая табличка на дереве. Ваше последнее место отдыха в Фридвальде вы можете выбрать уже при жизни. Свободные могилы выделены цветными лентами, повязанными вокруг деревьев. Каждая могила во Фридвальде помечена номером и зарегистрирована в реестре в муниципалитете и в фирме FriedWald. Вы можете найти свое дерево в Фридваль-

де, используя номер дерева. План участка у входа в лес поможет вам с ориентацией. В Фридвальде серьезного ухода за погребением не требуется. Все берет на себя природа. Украшение могилы в Фридвальде не допускается, потому что цветочные композиции, свечи и надгробия не вписываются в естественную среду леса. Их заменяют мхи, папоротники, полевые цветы, разноцветные листья и снег, которые украшают захоронения под деревьями в зависимости от сезона и делают их отдельными местами воспоминаний и поминовений. Погребение во Фридвальде может быть проведено индивидуально. Скромно и спокойно в узком кругу либо с музыкой и более масштабно, вы решаете сами» (FriedWald. Konzept 2019).

Хельмут N, которого мы встретили при осмотре кладбища у могилы жены (рис. 4), рассказал историю захоронения супруги на этом кладбище, которая представляется нам достаточно показательной при оценке того, как и почему у людей возникает идея экологических похорон. Жена Хельмута, Гертруда, не была сторонницей экологических движений и получила информацию о «лесах упокоения» в качестве рекламы в хосписе, которую, с разрешения администрации, распространяли «зеленые» активисты. Идею обсуждали вместе, Гертруде она понравилась, поскольку у них на двоих пятеро детей (это второй брак у обоих), но все они разъехались и живут далеко, в Ирландии и Америке, поэтому у них нет возможности заботиться о могиле по баварским стандартам. Из других родственников поблизости не проживает никто, самое близкое – в Дюссельдорфе и Франкфурте. Хельмут сначала сомневался, но затем съездил в Паппенхайм, чтобы лично убедиться, что то, что было описано в рекламе, соответствует действительности. В итоге и ему идея Фридвальда очень понравилась и показалась красивой: возвращение к природе и никакого бремени для потомков. Решение было принято, когда Гертруде сообщили окончательный диагноз и стало ясно, что пора определиться. У Гертруды было две предсмертные просьбы. Она хотела умереть дома, и чтобы ее в Фридвальде похоронили под общим деревом. Она умерла в тот же вечер, когда Хельмут забрал ее из госпиталя домой.

При разговоре с нами Хельмут несколько раз возвращался к теме денег, говорил, что несправедливо, когда человеку, даже когда он умер, надо за все платить. В этом смысле экологические захоронения можно расценивать и как некий протест по отношению обществу, где платить за право «существования» должны даже мертвые (ПМА 2018; интервью с Хельмутом N., Паппенхайм, Бавария, Германия).

Как объяснил нам Хельмут, все захоронения в Фридвальде разделены на несколько категорий, выделенных ленточками разного цвета и предполагающих определенные социальные стратификации:

«Это семейное дерево (*Familienbaum*), семья выкупает дерево на 99 лет, под которым можно захоронить до 10 человек. Также есть так

называемые деревья дружбы (*Freundschaftsbaum*), под которыми на тех же условиях могут быть захоронены друзья, братья и сестры, кузины и кузены, люди, которые при жизни были по каким либо причинам близки друг другу. Фридвальд так же предлагает деревья для одного человека (*Einzelbaum*) и для пары (*Partnerbaum*)» (ПМА 2018; интервью с Хельмутом N., Паппенхайм, Бавария, Германия).

Рис. 4. Интервью с Хельмутом на Лесном кладбище в Паппенхайме с примером оформления экологического захоронения. Бавария, Германия. Фото авторов, 2019 г.

Выделяется также особый тип захоронений, предназначенный для маленьких детей, аналогичный тем, которые описаны нами выше на примере мюнхенского Вальдфридхоф.

«Посмотрите вот эти деревья особенные, они называются Дерево погасшей звезды (*Sternschnuppenbaum*). Тут похоронены дети, которые умерли при рождении или в первые три года жизни. Обычно для таких захоронений выбирают молодые деревья и такое захоронение бесплатное» (ПМА 2018; интервью с Хельмутом N., Паппенхайм, Бавария, Германия).

Когда мы подошли к одному из таких деревьев, оказалось, что там действительно был захоронен ребенок, но дерево было выкуплено как семейное, т.е. как бы «на вырост», с предположением, что оно станет местом упокоения всех членов семьи.

Хотя по правилам обслуживающей кампании на лесное кладбище нельзя приносить цветы и устанавливать на нем какие-либо памятные знаки, мы все же обнаружили такие предметы у отдельных захороне-

ний: таблички с надписями и эпитафиями, подвешенные к дереву сердечки и фотографии погребенных, засохшие букеты цветов, разноцветные камушки, выложенные в различные композиции (сердце, крест, холмик с крестиком из хвойных веточек и т.п.). К дереву, под которым похоронена Гертруда, все эти символы любви и памяти приносит ее внучка, которая, как и Хельмут, живет в Аугсбурге и работает медсестрой. В качестве примера эпитафий можно привести такие (ПМА 2018; интервью с Хельмутом N., Паппенхайм, Бавария, Германия):

«Самое драгоценное наследие человека – это след, оставленный его любовью в наших сердцах» (*Das kostbarste Vermächtnis eines Menschen ist die Spur, die seine Liebe in unseren Herzen zurückgelassen hat*) (FAP 279, Familienbaum der Familie Schmauser).

«Даже если все однажды прекратит существование, вера, надежда и любовь не исчезнут. Они останутся навсегда. Но превыше их всех – любовь» (*Auch wenn alles einmal aufhört Glaube, Hoffnung und Liebe nicht. Diese drei werden immer bleiben, doch am höchsten steht die Liebe*) (FAP 416, namenloses Grab).

«Давай, приходи, позови из леса, / Приходи сюда, в мой покой. / Мой тайный сладкий шелест / Скрывает твои раны» (*Drum komm, ruft's aus dem Wald, / komm her in meine Ruh. / Mein heimlich süßes Rauschen / deckt Deine Wunden zu*) (FAP 189, Susanna Hilse).

Последнее четверостишие, вероятно, отсылает к известной немецкой песенке («Kuckuck, Kuckuck, ruft's aus dem Wald»), в которой поется о наступающей весне («Frühling, Frühling wird es nun bald») и которая основана на общеевропейском фольклорном мотиве «кукушка (обычно умершая мать или скончавшаяся до брака девушка) зовет к себе в гости родственников» (Бидерманн 1996: 140; Гура 1997: 681–709; Никитина 2002). Мотив возрождения и воскресения присутствует и в других символических деталях, например, как и в случае, описанном выше, на табличках встречаются изображения спирального панциря улитки. В нескольких местах кладбища устроены импровизированные скамьи из пней и обрубков деревьев, чтобы родственники могли побыть в уединении вместе с усопшими. То есть несмотря на установленные условия захоронения и ухода за могилами, семьи еще не готовы отказаться от прежних практик, связанных с коммеморацией и поминовением усопших, хотя в большинстве случаев эти практики имеют редуцированный характер.

Второе официальное обследованное нами экологическое захоронение находится на Вальдфридхоф в Мюнхене (рис. 5). На сегодняшний день на этом кладбище около 59 тысяч захоронений на площади 170 га. И лишь совсем недавно город Мюнхен сделал 40 деревьев доступными для биоурн (восемь захоронений у каждого). На этом участке все устроено несколько иначе, чем в Паппенхайме. Большинство отведен-

ных под захоронения деревьев либо специально высажены, и в этом случае находятся внутри поддерживающей их специальной «П»-образной конструкции из жердей, либо избавлены от лишних ветвей, а участки вокруг них специально очищены от кустарников и травы. В Поппенхайме большинство отводимых под захоронение деревьев – это бук, а на Вальдфридхоф – это деревья разных пород, часто неправильной формы и сравнительно невысокие. Преобладают коллективные (т.е. сравнительно дешевые) захоронения, поэтому на некоторых деревьях висит более 10 табличек (например захоронения № 25 и 95), что позволяет заключить, что законодательное ограничение на количество погребений под одним деревом явно не выполняется. Влияние огромного кладбища обычного типа, расположенного на этой же территории, сказывается на количестве и составе украшений и приношений. Здесь они есть практически на каждом дереве (фигурки сов и ежей, скворечники, сердечки, изображения солнца и др.). В других случаях у подножия деревьев стоят поминальные свечи, выложены фигуры из камней в виде сердца, лежат венки или букеты свежих цветов, а иногда даже разбиты мини-клумбы, что в Поппенхайме совершенно недопустимо. Букеты цветов могут быть прикреплены ленточками к самому дереву (например захоронения № 71, 76, 115). Вместе с тем на табличках практически нет эпитафий и памятных надписей, что также существенно отличает эти два кладбища экологического типа.

Рис. 5. Дерево на участке экологических захоронений на кладбище Вальдфридхоф. Мюнхен, Германия. Фото авторов, 2019 г.

Большинство захоронений на Вальдфридхоф произведено с 2016 по 2019 г., а год рождения колеблется между 1940-ми и 1960-ми (т.е. это люди в возрасте примерно 75–50 лет), хотя изредка встречаются и рожденные в 1920–1930-е гг. Социальная принадлежность в большинстве случаев неясна, но среди захороненных есть и те, чей статус обычно предполагает более престижное захоронение. Например, в могиле № 73 похоронен известный режиссер и драматург профессор, доктор Ханс-Йоахим Рукхэберле (prof. dr. Hans Joachim Ruckhäberle). Некоторые люди хотят быть анонимно захороненными, не желая афишировать свою смерть. В этом случае на месте захоронения может отсутствовать любое упоминание о похороненном человеке, даже в виде таблички с его именем и датой смерти. Происходит фактическое обезличивание захоронения, которое эволюционирует в место памяти, своеобразный природный мемориал. В целом эко-кладбище на Вальдфридхоф выглядит гораздо менее впечатляюще, чем в Попенхайме, и на нем везде видны следы традиционных практик, связанных с уходом за могилами.

Перспективы модернизации на постсоветском пространстве

Поскольку на постсоветском пространстве подобные погребальные традиции пока не распространены, нам представилось интересным проанализировать их в социокультурной перспективе, оценить возможные последствия внедрения подобных практик в России, где также в последние годы набирают силу экологические движения. Это тем более актуально, что в соседних странах уже появились законодательные инициативы, легализующие биозахоронения. Например, на Украине недавно был зарегистрирован законопроект, который предусматривает разрешение на биопогребение людей не только в лесопарках, но и в обычных парках и даже скверах. По сообщению, документ направлен на дерегуляцию предпринимательской деятельности в сфере ритуальных услуг, создание конкурентной среды и развитие такого вида погребения, как кремация (Могила в парке 2018).

Эстония. Современные тенденции в развитии кладбищенского пространства и культуры захоронений интересно сопоставить с нашими наблюдениями в Эстонии. В 2018 г. мы провели обследование в столице и в ряде уездных центров в разных регионах Эстонской республики, различающихся по составу населения и культурным особенностям. Доля русского населения в этих городах колеблется от 36% (Таллин) до 2,5% (Вильянди), что создает базу для формирования разных погребальных традиций с учетом взаимодействия не только этнических и конфессиональных компонентов, но и общеевропейских и глобализационных трендов.

В целом способы оформления кладбищенского пространства и отдельных захоронений в Эстонии ближе к западноевропейским стандартам (Tuulik 2013). Если сравнивать с российскими кладбищами в пограничных регионах, а тем более в глубине территории России, то сразу бросаются в глаза такие детали, как большая регулярность и ухоженность кладбищенских территорий. Наблюдается также специфика оформления могил, например отсутствие могильных оград и надмогильных холмиков, а также необязательность знаков конфессиональной принадлежности на захоронениях. Заметны и отличия в культуре ухода за могилами, отражающиеся в составе приношений и атрибутике (например, в обязательном присутствии «фонариков» или свечей, вазонов для живых цветов или растений, фигурок ангелов и под.). Эти элементы постепенно проникают и на российские кладбища, особенно в мегаполисах и крупных городах, поэтому их можно считать результатом глобальных культурных инвазий, связанных со стремительным развитием ритуальных бизнесов (ПМА 2018; исследования в Таллине, Пярну, Вильянди, Раквере).

Среди важных особенностей эстонских кладбищ отметим наличие семейных (*perekond*) захоронений, нередко значительных по размеру (до 6 м²). Их возникновение восходит к XVIII в., когда было законодательно закреплено разделение на приходские «сады мертвых» (*surnuaedadeks*), лютеранские приходские кладбища, семейные захоронения и городские кладбища (Tuulik 2013: 76). В отличие от семейных захоронений Баварии, описанных нами выше и в большинстве случаев обозначенных небольшим надгробием с нанесенными на нем именами членов семьи, на эстонских кладбищах семейные участки могут достигать значительных размеров и для каждого погребенного обычно предусмотрена отдельная табличка с именем, фамилией и годами рождения и смерти. Это относится в первую очередь к провинциальным кладбищам Пярну, Вильянди, Раквере, в то время как на таллинских кладбищах уже встречаются надгробия с несколькими именами, особенно когда речь идет о близких родственниках (супруги, их родители и дети) (Там же).

Аналогичную картину мы наблюдали и на Леоновском кладбище в Москве, где на одном надгробии иногда размещается до десятка имен. Это «сжатие пространства», по-видимому, может сигнализировать о готовности кладбищ в больших городах на постсоветском пространстве постепенно эволюционировать в сторону экологических погребальных пространств, тем более что в большинстве случаев здесь есть так называемые исторические (старые, мемориальные) кладбища, которые давно служат местом прогулок горожан и местом посещения туристов. В Таллине это, например, Александро-Невское кладбище (эст. *Tallinna Aleksander Nevski kalmistu*), где захоронено множество выдающихся

деятелей Эстонии, в Пярну – Старое кладбище (*Vana-Pärnu kalmistu*) с большим мемориальным воинским комплексом. При этом здесь существует устоявшаяся традиция кремирования. Хотя и в Эстонии, и в России погребения с трупоположением пока преобладают даже в больших городах, где есть крематории.

Если говорить о практиках, то специальные детские кладбища или участки кладбищ в Эстонии и в России пока не существуют, хотя детские захоронения, как и в Германии, обычно отличаются обилием различных предметов – от игрушек и фотографий с близкими до большого количества цветов (в России часто искусственных). Эстонские могилы прежде отличались от русских большим аскетизмом и простыми геометрическими формами. На них обычно не было никаких рисунков-символов и фотографий, только имя, фамилия и даты рождения и смерти. Однако в последнее время наблюдается явное влияние на культуру эстонских погребений способов оформления могил выходцами из других постсоветских государств (русских, украинцев, белорусов, молдаван, армян). На надгробиях появились символические изображения, иногда связанные с профессией покойных (например, якорь или змея, обвившаяся вокруг чаши), а также фотографии или фотографические изображения, нанесенные на камень. В чем-то эти процессы напоминают тенденции в оформлении могил в Европе, где также в последнее время на надгробиях все чаще размещаются фотографии (Tuulik 2013: 76).

Вместе с тем в ходе опросов как в Эстонии, так и в России, при всем интересе к такому пока экзотическому на постсоветском пространстве способу похорон, как захоронение праха под деревом в лесу, практически никто (в том числе из молодежи) на прямой вопрос: «Хотели бы Вы быть похороненными таким образом?» – не ответил утвердительно. Возможно, это объясняется меньшей представленностью и активностью экологических движений в постсоветских странах, а также отсутствием явной озабоченности властей дефицитом площадей, выделяемых под городские кладбища.

Заключение

Рассмотренные нами тенденции развития кладбищенских территорий и типов захоронений в Европе (с акцентом на Баварию как достаточно консервативном регионе Германии) демонстрируют разноуровневую и разнонаправленную динамику развития. С одной стороны, наблюдается постепенный отход от индивидуальных к коллективным захоронениям, в том числе не только семейным, как можно увидеть по экологическим лесным кладбищам. С другой стороны, наблюдается индивидуализация захоронений. Одним из элементов этого можно счи-

тать появление фотографий и иных изображений умерших, а также стремление к неповторимости и оригинальности устанавливаемых надгробий, что раньше обычно могли позволить себе только выдающиеся личности. В результате даже на участках с традиционными конфессионально маркированными надгробиями встречаются необычно оформленные могилы. Существует также тенденция к миниатюризации и анонимизации могил, обозначению захоронений небольшими плитками, собранными в единую композицию, как, например, это произошло с участком детских захоронений на Вальдфридхоф, выстроенным в форме огромной бабочки, а также на одном из участков Лесного кладбища в Вильянди. Появление особых типов погребений для маленьких и мертворожденных детей пока имеет очень ограниченный характер, но, учитывая специальные церковные вердикты и законодательные акты, принятые в ряде стран, можно предположить, что эта тенденция будет развиваться.

Вместе с тем все перечисленные тенденции не имеют пока устойчивого характера. В Европе имеются обширные регионы, в которых все эти новации представлены очень слабо или вовсе не представлены. И хотя большинство из них имеют глобальный характер и при имеющихся на данный момент тенденциях развития неизбежно должны получить всеобщее распространение, возможно, у них может появиться и какая-то альтернатива. Например, превращение праха с помощью новых технологий в искусственный бриллиант, как предлагает швейцарская фирма Algordanza. Пожалуй, большей степени миниатюризации захоронения достичь будет сложно. Не все эксперты согласны с тем, что традиционным кладбищам в Германии нужно срочно меняться. Михаэль Альбрехт (Michael Albrecht) из немецкой Ассоциации кладбищ уверен, что изменения будут происходить очень медленно. За последние годы, по его словам, ни одно кладбище еще не было закрыто, хотя все говорят о кризисе в этой сфере. Хотя Федеральный экологический фонд Германии (Deutsche Bundesstiftung Umwelt) еще несколько лет назад пришел к выводу, что новые формы «лесных кладбищ» на волне «экологической революции» постепенно отвоевывают территорию у традиционных природных парков, модифицируясь в ландшафтные парки, необходимо заметить, что в Германии этот процесс продолжается уже более столетия.

Литература

- Белова О.В. Славянский бестиарий. М.: Индрик, 2001.
Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996.
Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
Королев К.М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2003.
Махов А.Е. Эмблематика. Макрокосм = Emblematica. Macrocosmos. М.: Intrada, 2014.

- Никитина А.В. Кукушка в славянском фольклоре. СПб.: СПбГУ, 2002.
- Полная энциклопедия символов / сост. В.М. Рошаль. М.: ЭКСМО; СПб.: Сова, 2003.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006. Ч. 3.
- Barley N. Grave matters: a lively history of death around the world. New York: H. Holt, 1997.
- Boret S.P. Japanese tree burial: ecology, kinship and the culture of death. London; New York: Routledge, 2014.
- Feldmann K. Tod und Gesellschaft. Sozialwissenschaftliche Thanatologie im Überblick. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004 (2. bearb. Auflage 2010).
- Fournier E. The Green burial guidebook: everything you need to plan an affordable, environmentally friendly burial. Novato, California: New World Library, 2018.
- Harris M. Grave matters: a journey through the modern funeral industry to a natural way of burial. New York: Scribner, 2007.
- Kelly S. Greening death: reclaiming burial practices and restoring our tie to the earth. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2015.
- Tuulik T. Üks Eesti ajalooline kalmistu täna – Rakvere linnakalmistu // Mäetagused. 2013. Vol. 55. L. 75–92.

Источники

- Bestattungsorte: Die Baumbestattung // Aeternitas e.V. URL: https://www.aeternitas.de/inhalt/oekologie_und_nachhaltigkeit/bestattungsorte/baumbestattung (дата обращения: 27.09.2019).
- Centre for Death & Society // Department of Social & Policy Sciences in University of Bath. URL: <https://www.bath.ac.uk/research-centres/centre-for-death-society> (дата обращения: 24.09.2019).
- Die Hoffnung auf Rettung für ungetauft gestorbene Kinder // Internationale theologische Kommission. URL: http://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/cti_documents/rc_con_cfaith_doc_20070419_un-baptised-infants_ge.html# (дата обращения: 24.09.2019).
- Engelamt, Engelmesse // Wissen.De. Lexikon. URL: <https://www.wissen.de/lexikon/engelamt> (дата обращения: 24.09.2019).
- Fischer N. Tod in der Mediengesellschaft. Der flüchtige Tod und Bestattungsrituale im Übergang // Vortrag Anfang Oktober 2003 auf einem Symposium zum Thema Sterben und Tod. URL: <http://www.postmortal.de/Diskussion/Mediengesellschaft/mediengesellschaft.html> (дата обращения: 21.04.2018).
- FriedWald. Konzept. URL: <https://www.friedwald.de/standorte> (дата обращения: 19.06.2019).
- FriedWald. Standorte. URL: <https://www.friedwald.de/standorte> (дата обращения: 19.06.2019).
- Neumann C. Als hätte es ihn nie gegeben // Der Spiegel. 2012. Nr. 42. S. 38 f. (online – 15.10.2012).
- Sheepdrove Natural Burial Wood. URL: <https://irp-cdn.multiscreensite.com/1542b8ef/files/uploaded/Natural%20Burial%20Wood%20media%20pack%202019.pdf>; (дата обращения: 24.09.2019).
- «Sternenkinder» sollen als Personen gelten // Die Welt. 2012. Nr. 6. Mai.
- Gesetzliche Neuregelung: «Sternenkinder» dürfen Namen bekommen // Spiegel Online. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/gesetzliche-neuregelung-sternenkinder-duerfen-namen-bekommen-a-899825.html>; (дата обращения 24.09.2019).
- Verordnung zur Ausführung des Personenstandsgesetzes (Personenstandsverordnung – PStV). § 31. Lebendgeburt, Totgeburt, Fehlgeburt // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/pstv/_31.html (дата обращения: 15.05.2018).
- ПМА 2018–2019 – Полевые архивы авторов, материалы полевых исследований в Мюнхене и Поппенхайме (Бавария, Германия), Таллине, Пярну, Вильянди, Раквере

(Эстония), Кала Сантини, Андрач и Петра (Майорка, Испания). Материалы фото и видеоархива, интервью с коренными жителями Баварии и мигрантами.
Могила в парке: В Украине хотят разрешить биопогребение, чтобы разгрузить кладбища // Телеканал «112 Украина». Общество. URL: <https://112.ua/obshchestvo/mogila-v-parke-v-ukraine-hotyat-razreshit-biopogrebenie-chtoby-razgruzit-kladbishha-441264.html> (дата обращения: 24.09.2019).

Статья поступила в редакцию 30 октября 2019 г.

Morozov Igor A. and Schreiner Andrianna A.

THE DEATH OF THE CEMETERY: NEW FUNERAL TRADITIONS IN EUROPE

DOI: 10.17223/2312461X/26/4

Abstract. The article is dedicated to the analysis of modern trends in funeral rites in Europe. Despite the stability and conservatism of funerary traditions, they are under strong pressure from globalisation trends originating from a new ideology of the funeral rite. The essence of innovative ritual practices, which are based on modern business strategies, is to ensure economic efficiency of the burial process through the use of advanced technologies (cremation, biodegradable capsules, and resomation). The need for mass introduction of such innovations is justified by the deficit and the high cost of cemetery territories, especially in megacities, and by environmental considerations since with disposal technologies currently used a significant amount of toxic and difficult-to-decompose substances enter the soil. The article analyses various formats of modern 'ecological burials' that symbolise the 'death of the cemetery', and which in recent decades have become widespread in several countries of Western Europe (Germany, Austria, and Switzerland) under the name 'forest cemeteries'. In addition, the results of field research conducted at forest cemeteries (*Waldfriedhof*, *Nordfriedhof*) in Munich and Poppenheim (Bavaria), as well as at several other European cemeteries are presented. The prospects of further spread of innovative types of burial in Europe, including the post-Soviet countries of Eastern Europe, more specifically Estonia and Russia, are also considered.

Keywords: new funeral traditions in Europe; forest cemeteries; ethnic burials; modern commemorative practices; cross-cultural interactions; global trends

* The article is written as part of the project, entitled 'The deceased in the world of the living: a cross-cultural study of the communicative aspects of thanatological practices and beliefs', supported by the Russian Science Foundation (grant No.18-18-00082).

References

- Belova O.V. *Slavianskii bestiarii* [The Slavic bestiary]. Moscow: Indrik, 2001.
Bidermann G. *Entsiklopediia simvolov* [The Encyclopedia of symbols]. Moscow: Respublika, 1996.
Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Animal symbols in the Slavic tradition]. Moscow: Indrik, 1997.
Korolev K.M. *Entsiklopediia simvolov, znakov, emblem* [The Encyclopedia of symbols, signs, and emblems]. Moscow: EKSMO; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2003.
Makhov A.E. *Emblematika. Makrokosm* [Emblematika. Macrocosmos]. Moscow: Intrada, 2014.
Nikitina A.V. *Kukushka v slavianskom fol'klоре* [The cuckoo in the Slavic folklore]. St. Petersburg: SPbGU, 2002.
Polnaia entsiklopediia simvolov [The Complete encyclopedia of symbols]. Comp. by V.M. Roshal'. Moscow: EKSMO; SPb.: Sova, 2003.

- Foucault M. *Intellektualy i vlast'* [Dits et Ecrits]. Book 3. Moscow: Praxis, 2006.
- Barley N. *Grave matters: a lively history of death around the world*. New York: H. Holt, 1997.
- Boret S.P. *Japanese tree burial: ecology, kinship and the culture of death*. London; New York: Routledge, 2014.
- Feldmann K. *Tod und Gesellschaft. Sozialwissenschaftliche Thanatologie im Überblick*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004 (2. bearb. Auflage 2010).
- Fournier E. *The Green burial guidebook: everything you need to plan an affordable, environmentally friendly burial*. Novato, California: New World Library, 2018.
- Harris M. *Grave matters: a journey through the modern funeral industry to a natural way of burial*. New York: Scribner, 2007.
- Kelly S. *Greening death: reclaiming burial practices and restoring our tie to the earth*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2015.
- Tuulik T. Üks Eesti ajalooline kalmistu täna – Rakvere linnakalmistu, *Mäetagused*, 2013, Vol. 55, pp. 75-92.

Author's field materials and Internet resources

- Bestattungsorte: Die Baumbestattung, *Aeternitas e.V.* Available at: https://www.aeternitas.de/inhalt/oekologie_und_nachhaltigkeit/bestattungsorte/baumbestattung (Accessed 27 September 2019).
- Centre for Death & Society, *Department of Social & Policy Sciences in University of Bath*. Available at: <https://www.bath.ac.uk/research-centres/centre-for-death-society> (Accessed 24 September 2019).
- Die Hoffnung auf Rettung für ungetauft gestorbene Kinder, *Internationale theologische Kommission*. Available at: http://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/cti_documents/rc_con_cfaith_doc_20070419_un-baptised-infants_ge.html# (Accessed 24 September 2019).
- Engelamt, Engelmesse, *Wissen.De. Lexikon*. Available at: <https://www.wissen.de/lexikon/engelamt> (Accessed 24 September 2019).
- Fischer N. Tod in der Mediengesellschaft. Der flüchtige Tod und Bestattungsrituale im Übergang. In: *Vortrag Anfang Oktober 2003 auf einem Symposium zum Thema Sterben und Tod*. Available at: <http://www.postmortal.de/Diskussion/Mediengesellschaft/mediengesellschaft.html> (Accessed 21 April 2018).
- FriedWald. *Konzept*. Available at: <https://www.friedwald.de/standorte> (Accessed 19 June 2019).
- FriedWald. *Standorte*. Available at: <https://www.friedwald.de/standorte>; (Accessed 19 June 2019).
- Neumann C. Als hätte es ihn nie gegeben, *Der Spiegel*. 2012. Nr. 42. S. 38 f. (online – 15.10.2012).
- Sheepdrove Natural Burial Wood. Available at: <https://irp-cdn.multiscreensite.com/1542b8ef/files/uploaded/Natural%20Burial%20Wood%20media%20pack%202019.pdf>; (Accessed 24 September 2019).
- «Sternenkinder» sollen als Personen gelten, *Die Welt*. 2012. Nr. 6. Mai.
- Gesetzliche Neuregelung: «Sternenkinder» dürfen Namen bekommen, *Spiegel Online*. Available at: <https://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/gesetzliche-neuregelung-sternenkinder-duerfen-namen-bekommen-a-899825.html>; (Accessed 24 September 2019).
- Verordnung zur Ausführung des Personenstandsgesetzes (Personenstandsverordnung - PStV). § 31. Lebendgeburt, Totgeburt, Fehlgeburt, *Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz*. Available at: https://www.gesetze-im-internet.de/pstv/_31.html; (Accessed 15 May 2018).

PMA 2018-2019 – Polevye arkhivy avtorov, materialy polevykh issledovaniy v Munich i Poppenheim (Bavaria, Germany), Tallinn, Pärnu, Viljandi, Rakvere (Estonia), Cala Santini, Andratx and Petra (Mallorca, Spain). Materialy foto i videoarkhiva, interv'iu s korennyimi zhiteliymi Bavarii i migrantami.

Mogila v parke: V Ukraine khotiat razreshit' biopogrebenie, chtoby razgruzit' kladbishcha, *Telekanal «112 Ukraina». Obshchestvo*. Available at: <https://112.ua/obshchestvo/mogila-v-parke-v-ukraine-hotyat-razreshit-biopogrebenie-chtoby-razgruzit-kladbishha-441264.html>; (Accessed 24 September 2019).